

ПИСЬМА К ТУРГЕНЕВУ

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ ПИСЬМО ТУРГЕНЕВУ М. Н. ТОЛСТОЙ (1871)

Публикация А. Г. Гродецкой

Сложность датировки публикуемого ниже письма Тургеневу младшей сестры Л. Н. Толстого Марии Николаевны (1830–1912) была, по всей видимости, причиной того, что до сих пор оно оставалось не введенным в научный оборот.

История знакомства и сближения Тургенева в 1854–1858 годах с М. Н. Толстой, история их увлечения, которое «было обоюдным»,¹ достаточно подробно освещена как мемуаристами (помимо самой Марии Николаевны,² об этом писали Д. В. Григорович, А. А. Фет, Т. А. Кузмин-

¹ Т. А. Кузминская, младшая сестра С. А. Толстой, в своих известных мемуарах писала, что Тургенев «любил Марью Николаевну, ценил ее тонкий ум и ее художественное чутье», и в письме к М. А. Цявловскому от 12 октября 1924 г. настаивала: «Увлечение Тургенева существовало, и оно было обоюдным» (*Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне*. Тула, 1973. С. 369–370, 490–491; письмо к Цявловскому не опубликовано, хранится в ГМТ).

² Воспоминания Толстой известны в записи 1903 г., сделанной с ее слов М. А. Стаховичем, близким другом семьи Толстых. Впервые опубликованы за подписью «М. С.» под заглавием «В 1903 году о 1853»: *Орловский вестник*. 1903. № 224. Позднее: *Толстая М. Н. Воспоминание о И. С. Тургеневе* (В пересказе М. А. Стаховича) // *Т в восп совр.* Т. 1. С. 220–224; то же: *И. С. Тургенев в воспоминаниях современников*. М., 1988. С. 151–157.

ская, С. Л. и И. Л. Толстые и другие), так и биографами и исследователями творчества Толстого и Тургенева.³ Н. П. Пузин, автор обстоятельного очерка «Тургенев и М. Н. Толстая», доведя историю отношений героев очерка до марта 1859 года, заключает: «О встречах Тургенева с М. Н. Толстой в последующие годы сведений не имеется».⁴ Тем содержательнее публикуемое ниже письмо — свидетельство неугасавшей потребности Марии Николаевны в диалоге с Тургеневым.

Письмо датируется второй половиной февраля — началом марта 1871 года на основании следующих данных. Оно не могло быть написано ранее второй половины 1867 года, так как Толстой в нем упомянут как автор «Войны и мира», а свое окончательное название роман получил только в ходе работы над его первым отдельным изданием (июнь — декабрь 1867 г.), вышедшим в Москве в шести томах в 1868–1869 годах. Две первые части романа, как известно, печатались в «Русском вестнике» в 1865 (№ 1–2) и 1866 годах (№ 2–4) под заглавием «Тысяча восемьсот пятый год». Письмо написано в петербургской «Знаменской» гостинице (см. примеч. к тексту), речь в нем идет о возможной встрече Толстой с Тургеневым. Однако ни в конце 1867-го, ни в 1868–1869 годах Тургенев в России не был. В 1870 году он пробыл в Петербурге по пути в Спасское чуть больше недели, с 21 мая (2 июня) по 29 мая (10 июня),⁵ встреча его с Толстой в это время маловероятна. Гораздо больше оснований отнести ее обращение к Тургеневу ко времени следующего при-

³ См.: *Тургенев И. С.* Письма к М. Н. Толстой / Сообщил и комментировал В. И. Срезневский // *Звенья*. Вып. 1. С. 282–295; *Толстой С. Л.* Марья Николаевна Толстая (тетя Маша) // Толстой С. Л. Очерки былого. 2-е изд. М., 1956. С. 286–298; *Пузин Н. П.* И. С. Тургенев и М. Н. Толстая // Пузин Н. П., Архангельская Т. Н. Вокруг Толстого. 2-е изд. Тула. 1988. С. 61 (впервые: *Т Сб.* Т. 2. С. 148–158); *Афанасьев В. В., Боголепов П. К.* Тропа к Тургеневу. М., 1983. С. 187–189; *Лебедев Ю.* Тургенев. М., 1990. С. 315–320 (Сер. «ЖЗЛ»; гл. «Маленький флигель на берегу Снежеди»); то же: *Лебедев Ю.* Жизнь Тургенева: Всеведущее одиночество гения. М., 2006. С. 308–314; *Молева Н. М.* Призрак Виардо: Несостоявшееся счастье Ивана Тургенева. М., 2008. С. 138–152 (гл. «Тени старого сада: Мария Толстая»); *Комарова Т. В.* «В надежде скорого свиданья...» (И. С. Тургенев и М. Н. Толстая) // Спасский вестник. 2011. Вып. 19. С. 131–136; *Schapiro L.* Turgenev, his Life and Times. Oxford, 1978. P. 109–112, 132–133, 143–144; и др. Биографический очерк о М. Н. Толстой в популярном изложении (в пер. с франц.) см.: *Толстой С. М.* 1) Единственная сестра // Прометей: Историко-биограф. альманах. М., 1980. Т. 12. С. 269–287; 2) Сестра Мария Николаевна Толстая // Толстой С. М. Древо жизни: Толстой и Толстые. М., 2002. С. 178–194 (Сер. «Рус. мемуары»).

⁴ *Пузин Н. П.* И. С. Тургенев и М. Н. Толстая. С. 58.

⁵ См.: *Летопись (1867–1870)*. С. 175, 176.

М. Н. Толстая. Алжир, 1861 г.

езда писателя в Петербург. В 1871 году он находился здесь с 13 (25) февраля по 7 (19) марта, при этом активно участвовал в литературно-артистической и светской жизни столицы, посещая литературные обеды и вечера, музеи, театры, концерты, публичные чтения, мастерские художников, светские салоны.⁶

В пользу такой датировки говорит и упоминание Марией Николаевной «чумы». «Я еду за границу, прямо на чуму», — пишет она, имея в виду, вне всяких сомнений, франко-прусскую войну 1870–1871 годов (см. примеч. к тексту письма). По-своему «говорящим» является в письме и упоминание «Королевы Лиры» — драму под таким заглавием Толстая предлагает написать Тургеневу («Не напишете ли „Королеву Лиру“»), сообщая адресату в постскриптуме к письму о «разладе» в ее семей-

⁶ См.: *Летопись (1871–1875)*. С. 13–21.

Дети М. Н. Толстой: Варя, Коля и Лиза. 1860 г.

стве. К началу 1871 года ею, судя по всему, был прочитан тургеневский «Степной король Лир», опубликованный в октябрьской книжке «Вестника Европы» за 1870 год. Собственную семейную ситуацию Мария Николаевна воспринимает как шекспировскую не без воздействия, вероятно, тургеневской повести.

Психологическое состояние Марии Николаевны предстает в письме крайне тяжелым — таким оно было на протяжении многих лет (о чем будет сказано ниже). Однако судя по ее признанию о «бегстве» от дочерей, как «бегали дочери от родителей» в тургеневском «Накануне», ее дочери еще жили в это время вместе с матерью, тогда как в самом начале 1870-х обе вышли замуж: 18 января 1871 года — Елизавета Валерьяновна Толстая (в замуж. Оболенская; 1852–1935) и 2 июля 1872 года — Варвара Валерьяновна Толстая (в замуж. Нагорнова; 1850–1922).⁷

⁷ См. в предисловии Н. Н. Гусева к мемуарам: *Оболенская Е. В. Моя мать и Лев Николаевич // Летописи гос. Литературного музея. М., 1938. Кн. 2. С. 279.* Ниже при ссылках на эту публикацию: *Оболенская. Ч. 2*, с указанием страницы. Первая часть воспоминаний опубликована: Октябрь. 1928. № 9–10. С. 207–236; при ссылках на нее: *Оболенская. Ч. 1.* См. также: Переписка Л. Н. Толстого с сестрой и братьями. М., 1990. С. 319, 324–325.

Письмо не могло быть написано и позднее весны 1872 года: вернувшись весной из-за границы, Мария Николаевна лето проводит в переданном дочери Елизавете имении Покровское вместе с ней и ее мужем и вышедшей в июле этого года замуж Варварой. По свидетельству Е. В. Оболенской (ее мемуары являются в данном случае самым авторитетным документальным источником), «мать была весела, а сестра была вполне счастлива».⁸ Осенью 1872 года, во время тяжелой болезни Елизаветы Оболенской после рождения сына, мать, по ее словам, «забыла себя и вся отдалась заботам обо мне».⁹ В последующие годы, как вспоминала Оболенская, душевного покоя Мария Николаевна так и не обрела: «Оставшись после нашего замужества одна, мать часто ездила за границу. Жизнь ее за эти года, как я вспоминаю, производит впечатление какого-то беспокойного, бесцельного, безрадостного скитания; то она за границей, то возвращается в Россию».¹⁰

У письма-исповеди М. Н. Толстой, обращенного к Тургеневу с надеждой на понимание и душевную поддержку, долгая предыстория.

Мария Николаевна Толстая, выпускница Казанского Родионовского пансиона для благородных девиц, 17-ти лет, в ноябре 1847 года, была выдана замуж за графа Валерьяна Петровича Толстого (1813–1865), ее троюродного брата.¹¹ В браке родилось четверо детей — дочери Варвара и Елизавета (уже упоминавшиеся), сыновья Петр (р. и ум. 1849) и Николай (1851–1879).¹² Семья жила в доставшемся В. П. Толстому от его матери имении Покровское Чернского уезда Тульской губернии (в 80 км от Ясной Поляны и 20 км от Спасского-Лутовинова).

Замужество Марии Николаевны было несчастливо. По словам Т. А. Кузминской, «Валерьян Петрович вел очень безнравственную жизнь и изменял жене, когда только представлялся случай».¹³ В 1857 году она рассталась с мужем, после чего зимами жила в Москве, летом — в имении

⁸ *Оболенская*. Ч. 2. С. 284.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 287.

¹¹ «Она говорила мне, — вспоминала Кузминская, — что она была очень „ребяча“, что ей было безразлично, за кого выходить замуж. По совету тетушек, она вышла замуж за графа Валерьяна Петровича Толстого, своего родственника, который был много старше ее» (*Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне*. С. 367).

¹² См.: *Толстой С. Л. Марья Николаевна Толстая (тетя Маша)*. С. 287; *Оболенская*. Ч. 2. С. 279.

¹³ *Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне*. С. 367. По рассказу Оболенской Н. Н. Гусеву, ее мать рассталась с отцом в 1857 г. со словами: «Я не желаю быть старшей султаншей в вашем гареме» (*Оболенская*. Ч. 2. С. 279).

старшего брата Сергея Николаевича Толстого (1826–1904) Пирогово, часть которого принадлежала ей (Малое Пирогово) и где ею на берегу реки Снежеди был выстроен дом. В 1860–1870 годах Мария Николаевна часто и подолгу лечилась за границей. В Швейцарии в 1861–1864 годах она состояла в гражданском браке со шведом виконтом Гектором Виктором де Кленом (de Kleen; 1831–1873), от которого родилась дочь Елена Сергеевна Толстая (в замуж. Денисенко; 1863–1942), ее крестным отцом был С. Н. Толстой, давший ей свое отчество. Родственники де Клена (который, как и Толстая, был человеком музыкально одаренным, играл на рояле и скрипке¹⁴) воспротивились браку, им пришлось расстаться, и все последующие годы мысль об оставленной на воспитание в Швейцарии в чужой семье дочери была для Марии Николаевны мучительна. В частном пансионе в Швейцарии воспитывался и ее сын Николай. Он впервые приехал в Россию в 1867-м,¹⁵ а Елена Толстая — только в 1880 году. «Странно, — вспоминала об этом Елизавета Оболенская, — что мать, такая прямая, такая самостоятельная, которая не имела никакого отношения к так называемому „светскому обществу“, мнением которого, казалось, так мало дорожила, в данном случае была смущена и не имела мужества во всеуслышание назвать ее своей дочерью, а называла своей воспитанницей».¹⁶

После смерти сына, умершего от тифа в 1879 году, Мария Николаевна пережила глубокий религиозный кризис и в 1889 году поселилась вблизи Оптиной Пустыни, в Шамординском монастыре, где в 1891 году приняла монашеский постриг. Здесь в 1910 году, уйдя из Ясной Поляны, ее в последний раз посетил Л. Н. Толстой. «Странно, — замечал И. Л. Толстой, — что религиозный кризис в жизни моего отца и Марьи Николаевны произошел почти одновременно. В обоих них ярко выразилось то же суровое по отношению к себе, неуклонное и страстное искание истины, а также прямота, не допускавшая никаких жизненных компромиссов и полумер».¹⁷

¹⁴ См. подробно о нем: *Оболенская*. Ч. 1. С. 215–220.

¹⁵ С. Л. Толстой вспоминал о «скромном, рассеянном, добродушном» двоюродном брате: «Он не говорил по-русски и с трудом научился русскому языку <...> первое время он чувствовал себя иностранцем. <...> Николаю Валерьяновичу не удалось поступить в университет; он пробовал служить на военной службе, был одно время юнкером, но не мог привыкнуть к военной дисциплине и вскоре вышел в отставку» (*Толстой С. Л.* Марья Николаевна Толстая (тетя Маша). С. 291–292).

¹⁶ *Оболенская*. Ч. 2. С. 288.

¹⁷ *Толстой И. Л.* Мои воспоминания. М., 1969. С. 244.

Знакомство Тургенева с М. Н. Толстой состоялось 24 октября (5 ноября) 1854 года — в этот день он впервые побывал в Покровском, приехав в имение к соседям из Спасского. Под сильным впечатлением от только что напечатанного в «Современнике» толстовского «Отрочества» (1854. № 10), о чем сообщал всем своим постоянным корреспондентам, Тургенев накануне, 17 (29) октября, отослал номер журнала В. П. Толстому, обратившись в письме к нему с просьбой о возможности знакомства и встречи: «Я чрезвычайно высоко ценю талант Льва Николаевича и весьма бы желал знать о нем, где он и что с ним».¹⁸ П. В. Анненкову он писал 18 (30) октября: «Я на днях познакомлюсь с сестрой Толстого (автора „Отрочества“ — скоро не нужно будет прибавлять этого эпитета — одного только Толстого и будут знать в России) — и напишу Вам как и что. Я послал ей сегодня № „Современника“, где повесть ее брата».¹⁹ О встрече с Толстой Тургенев писал 29 октября (10 ноября) Е. Я. Колбасину: «Премилая, симпатичная женщина», — и в тот же день о поездке к соседям рассказывал в письме к Некрасову: «Познакомился я с Толстыми. Жена графа Толстого — моего соседа — сестра автора „Отрочества“ — премилая женщина — умна, добра и очень привлекательна. Я узнал много подробностей об ее брате. <...> Видел его портрет. Некрасивое, но умное и замечательное лицо. <...> Завтра я с графиней Толстой крещу у тургеневского попа, покумлюсь с ней».²⁰ Еще обстоятельнее письмо Тургенева к Анненкову от 1 (13) ноября 1854 года, где он пишет: «Я здесь познакомился с семейством Толстого, автора „Отрочества“ <...>. Сестра его (тоже замужем за графом Толстым) — одно из привлекательнейших существ, какие мне только удавалось встретить. Мила, умна, проста — глаз бы не отвел. На старости лет (мне четвертого дня стукнуло 36 лет) — я едва ли не влюбился. Я вижу отсюда, как у Вас круглятся глаза — и губы, раскрывшись, испускают звук: кгха, кгха, кгха — что по-Вашему значит смеяться... но не могу скрыть, что поражен в самое сердце. Я давно не встречал столько грации, такого трогательного обаяния... Останавливаюсь, чтобы не завратиться — и прошу Вас хранить все это в тайне. <...> Вы подумаете: эка влюбчив, старый черт! Что делать! Чувствительным сердцем одарен от природы, Павел Васильевич! Но повторяю усиленную просьбу

¹⁸ ПССУП(2). Письма. Т. 2. С. 302. Толстой до конца октября 1854 г. находился в Дунайской армии, в Кишиневе, с 7 ноября — в Севастополе.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 309–310.

о содержании всей этой операции втайне. Странно мне, что я Вас всегда избираю в конфиденты».²¹

О впечатлении Марии Николаевны от встречи с Тургеневым брату Льву сообщал в ноябре 1854 года Н. Н. Толстой: «Валерьян познакомился с Тургеневым; c'est Tourguéniéff qui a fait le premier pas, il leurs a apporté le № du „Современник“, où était ta nouvelle dont il est enchanté. Marie est enchantée de Tourguéniéff, tu comprends comme je désire le voir, dès que je le verrai, je t'écirai quelle impression il a fait sur moi <первый шаг сделал Тургенев, он привез им № „Современника“, где была твоя повесть, от которой он в восторге. Маша в восторге от Тургенева; ты понимаешь, как я хочу его видеть; как только я его увижу, напишу тебе, какое впечатление он произвел на меня — *франц.*>. Маша говорит, что это простой человек, он играет с ней в бирюльки, раскладывает с ней гранпасьянс, большой друг с Варенькой <четырёхлетняя дочь М. Н. Толстой>, mais Marie ne connaît pas le monde et elle peut bien se tromper sur le compte d'un homme d'esprit comme Tourguéniéff <но Маша не знает света и вполне может ошибиться в отношении такого умного человека, как Тургенев — *франц.*>. Теперь люди стали очень хитры, il faut у regarder à deux fois <нужно к ним дважды присмотреться — *франц.*>. Очень хотел бы его видеть».²² И в следующем письме (ноябрь — декабрь) Николай Толстой продолжал свой рассказ о сестре: «...она теперь под влиянием знакомства с Тургеневым, который ее очаровал, потому что это, как мне кажется (я его видел только раз), очень понимающий и impressionавимый человек».²³ «Николенька мне пишет, что Тургенев познакомился с Машенькой, — сообщал Лев Толстой 6 января 1855 года Т. А. Ергольской, — я в восторге от этого; ежели вы встретитесь с ним у них, скажите Вареньке, что поручаю ей поцеловать его от меня и сказать ему, что, хотя я знаком с ним только по его сочинениям, я многое бы хотел ему сказать».²⁴

²¹ ПССиП(2). Письма. Т. 2. С. 310–311. Как позднее вспоминал Анненков, «сестру гр. Толстого <...> он называл умной, понимающей все кругом себя и обнаруживающей свое понимание только при случае» (Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 385).

²² Переписка Л. Н. Толстого с сестрой и братьями. С. 176–177. Письмо Н. Н. Толстого, считавшееся утраченным (см.: Толстой. Т. 59. С. 295; примеч. М. А. Цявловского), было впервые опубликовано П. С. Поповым: ЛН. Т. 35–38. Кн. 2. С. 729. Оно цитируется также: Толстой С. Л. Марья Николаевна Толстая (тетя Маша). С. 288.

²³ Переписка Л. Н. Толстого с сестрой и братьями. С. 178.

²⁴ Толстой. Т. 59. С. 294. После встречи с Тургеневым в имении М. Н. Толстой в мае 1855 г. Т. А. Ергольская, любимая «тетенька» Льва Николаевича, писала ему:

Сама же Мария Николаевна в 1903 году рассказывала М. А. Стаховичу: «Да, я была очень дружна с Иваном Сергеевичем. Одно время мы виделись ежедневно. <...> мы очень сошлись с Тургеневым, когда он, сосланный, жил в Спасском, всего в 18 верстах от нашего Покровского, и ежедневно к нам приезжал. <...> 1855 год Тургенев, кажется, весь провел в Спасском, и наша дружба еще более скрепилась, мы сошлись еще теснее. Но мы, семейные люди, реже ездили к нему, нежели он, одинокий, к нам, и, помнится, не проходило у нас дня без встречи. Мой муж был такой же страстный охотник, как Иван Сергеевич. С охоты они обыкновенно возвращались к нам и вечер проводили за чтением или беседой. Тургенев читал очень хорошо: просто, вдумчиво, как бы толкуя, но охотнее читал чужое, любимое им, нежели свое.

Свое он читал только что написанное, даже не отделанное еще. „Так в серьезных домах, — говорил он, — не заставляют гостей любоваться своими детьми. Еще можно, пожалуй, показать их на крестинах, а потом уже нечего их выводить, пока не станут большими“». ²⁵

Зиму 1854/1855 года В. П. и М. Н. Толстые проводили в Москве, где также встречались с приезжавшим из Петербурга Тургеневым. Об этой московской зиме Тургеневу писал бывавший у Марии Николаевны В. П. Боткин: «Я просидел с ней, сам того не замечая, более двух часов; говорили о разных предметах — и несколько о тебе. Прощаясь со мною, она подала мне руку с таким внутренним, болезненным движением, — словно птичка, которая ищет где-нибудь укрыться от застигнувшей ее бури. У меня готовы были навернуться на глазах слезы. Чистая, редкая женщина; все в ней проникнуто благородством и искренностью сердца». ²⁶ И в следующем его письме в марте 1855 года, в ответ на вопрос Тургенева о здоровье графини, звучат проникновенные, сочувственные слова: Боткину очевидны и смысл, и развязка «застигнувшей» Марию Николаевну «бури». «Да она больна, — пишет он, — и мне становится как-то жутко, когда мне случается взглянуть в ее большие, влажные, с каким-то глубоким выражением глаза. Я не помню, чтоб мне когда приводилось видеть любящую женщину, именно несчастно любящую, потому что от счастливо любящей женщины исходит особенного рода сияние, которое всякому ярко бросается в глаза. А смотря на графиню, невольно

«Тургенев здесь и произвел на меня нехорошее впечатление, совсем не такое, какого я ждала. Предпочитаю его сочинения его разговору» (*Толстой*. Т. 59. С. 308; *Летопись (1818–1858)*. С. 289).

²⁵ *Т в восп совр.* Т. 1. С. 221–222.

²⁶ В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка: 1851–1869. М.; Л., 1930. С. 47. Письмо от 24 февраля 1855 г.

говоришь про себя: вот женщина, пораженная судьбой. <...> Необычайное простодушие и безыскусственность этой женщины производят во мне какое-то чувство благоговения к ней. Мне кажется, что она при этом одарена величайшею впечатлительностью нерв. Не знаю, много ли она имеет характера — и дай бог, чтоб много имела его, потому что без твердости характера — я не знаю, как она выйдет из постигшей ее бури. Я в первый раз в жизни встречаю женщину такого чистейшего закала. Большая часть женщин проникнута искусственностью, действием задних мыслей, занятием постоянно выдавать имеющийся у них грош — за рубль серебром, а пожалуй и за империял. Оттого ли, что мы сами долго боролись с своею искусственностью и знаем, как трудно держать чистый расчет с самим собой, — но для меня эти наивные, глубокие и страстные натуры — имеют какое-то особенное, мистическое значение. Прежде всего они производят на меня особенно благотворное действие и мне с ними делается необыкновенно легко, — а как раздумаешься о них, — то становится за них страшно. Страшно потому, что они так беззащитны, бесхитроутны, так со всех сторон открыты сильным впечатлениям. Офелия принадлежит к такого рода натурам. Я понимаю, что только такие натуры можно любить во всем религиозном значении этого слова; — но мне было бы страшно полюбить такую женщину, — страшно за себя, за непрочность своего чувства; постоянная пассивность таких натур охлаждает чувство, как охлаждает его спокойное обладание. Эх брат! Мне кажется наша гнусная мужская натура так устроена, что для того, чтобы любила она со всею полнотою, со всем мучительным и блаженным замиранием сердца — нужно, чтоб это сердце чувствовало в себе когти женской натуры, которые она то впускает — то отпускает, как кошка. <...> Всякая женщина, любящая вне брака, — непременно чувствует себя несчастною, если видит, что ее любят без страсти».²⁷

«На весну, лето и осень у меня очень много литературных планов, — пишет Тургенев Толстой 2 (14) марта 1855 года, — и я заранее радуюсь возможности толковать о них с Вами — и подвергать их Вашему суду». И продолжает: «Пожалуйста, графиня, позаботьтесь о Вашем здоровье — и не предавайтесь Вашей склонности к хандре и мрачным мыслям. Хандра — своего рода смерть — а в жизни все-таки нет ничего лучше жизни, как она ни бывает подчас тяжела».²⁸

²⁷ В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка: 1851–1869. С. 49–51. Письмо от 12 марта 1855 г.

²⁸ ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 19.

Совершенно иначе, чем Боткин, воспринял соседку Тургенева по имени Д. В. Григорович, о трех неделях, проведенных в Спасском, вспоминавший: «Сколько помнится, в 1855 году Дружинин, Боткин и я согласились совершить поездку в деревню к Тургеневу <...> Мы <...> мысленно переносились к тому, что нас ожидало: старинный, обширный барский дом, полный, как чаша, нескончаемый парк, леса на несколько верст в окружности и, наконец, перспектива увидеть эту соседку-красавицу, о которой Тургенев говорил, что при первом взгляде на нее ум наш помрачится и мы все попадаем ниц, как подкошенные стебли.

Ожидания наши, к сожалению, не вполне оправдались. <...> парк оказался садом, но, правда, очень большим, с древними деревьями и пространным прудом <...>. Соседка-красавица произвела на нас обратное действие против того, что мы ожидали: она была во всех статьях скорее дурна собою, чем красива».²⁹

«Моя мать не была хороша собой, — вспоминала Е. В. Оболенская, — но она была умная, оживленная, непосредственная, необыкновенно правдивая, у нее были прекрасные глаза — лучистые глаза княжны Марьи; она была и прекрасная музыкантша. Ею очень восхищался И. С. Тургенев. Он часто бывал у нас в Покровском, там он любил слушать музыку. Однажды он ей вслух читал „Евгения Онегина“; он поцеловал у ней руку, она отдернула руку и сказала: „Прошу <пропуск в тексте> — сцена эта впоследствии описана в его „Фаусте“».³⁰

Летом 1855 года Тургенев читал в Покровском главы «Рудина», и, по словам Марии Николаевны, «мы были поражены небывалой тогда живостью рассказа и содержательностью рассуждений. Автор беспокоился, вышел ли Рудин действительно умным среди остальных, которые больше умничают. При этом он считал не только естественной, но и неизбежной растерянность этого человека перед сильнейшей духом Наташею, готовой и способной на жизненный подвиг».³¹ В одном из писем к Толстой (июля — начала августа 1855 г.) Тургенев признавался: «... я Вас очень благодарю за все, что Вы мне пишете о характере Наталии.

²⁹ Григорович Д. В. Литературные воспоминания. М., 1987. С. 123–124. То же: *Тв восп совр.* Т. 1. С. 225–226. Д. В. Григорович, А. В. Дружинин и В. П. Боткин находились в Спасском с 12 (24) мая по 1 (13) июня 1855 г. (см.: *Летопись (1818–1858)*. С. 290–292).

³⁰ Цит. по: Пузин Н. П. И. С. Тургенев и М. Н. Толстая. С. 48. Автор очерка цитирует автограф (ГМТ), в опубликованных воспоминаниях Оболенской этот фрагмент отсутствует.

³¹ *Тв восп совр.* Т. 1. С. 222.

Все Ваши замечания верны — и я их приму к сведению и переделаю всю последнюю сцену с матерью. <...> В делах сердца женщины — непогрешительные судьи — и нашему брату следует их слушаться».³² За месяц до этого письма Тургенев извещал своего «конфидента» Анненкова: «С графиней — все дела покончены и сданы в архив».³³

Лев Толстой, приехав в Петербург 18 ноября 1855 года и остановившись, по рекомендации Марии и Николая Толстых, на квартире у Тургенева, где и увиделся с ним впервые, писал сестре 20 ноября: «Письмо это, боюсь, будет безалаберно, потому что писано второпях, но зато так, как ты хотела, сейчас же после моего приезда и свидания с И<ваном> С<ергеевичем>. <...> Больше всего я его полюбил за то, что он вас — тебя и Ник<оленку> и Валерьяна так любит и ценит».³⁴ Тургенев Марии Николаевне сообщал 8 (20) декабря 1855 года: «Ну-с, доложу Вам — что у Вас за брат! Я его прозвал за его буйность, дикое упорство и праздность — Троглодитом — и даже остервенелым Троглодитом — что не мешает мне, однако, любить его от души <...>».³⁵ Заслуживает внимания, если иметь в виду уже цитированные мемуары Григоровича, и его признание в любви к Марии Николаевне. «С Григоровичем я познакомился здесь, — писал Толстой сестре из Петербурга 14 апреля 1856 года, — и он мне очень понравился, тем более, что он тебя ужасно уважает и ценит. Ему очень хочется посвятить тебе первое, что он напишет».³⁶

Переписка между Тургеневым и Толстой продолжалась три последующих года, как продолжались и — уже нечастые — встречи. Если летом 1855 года в Покровском Тургенев читал «Рудина», то летом 1856-го — написанную им в июне — июле в Спасском и посвященную Марии Николаевне повесть «Фауст». Толстая считается одним из прототипов Веры Николаевны Ельцовой, ее главной героини,³⁷ которую с прототипом

³² ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 51.

³³ Там же. С. 38. Письмо от 1 (13) июля 1855 г.

³⁴ Толстой. Т. 60. С. 369. Письмо помещено в разделе «Письма, пропущенные в вышедших томах 59-м и 60-м».

³⁵ ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 71.

³⁶ Толстой. Т. 60. С. 372.

³⁷ См. подробнее: ПССиП(2). Соч. Т. 5. С. 415–417, примеч. И. А. Битюговой; Пузин Н. П. И. С. Тургенев и М. Н. Толстая. С. 53–55; Жолковский А. «Из новейших одобрялся несомненно один Тургенев...» (К теме И. С. Тургенева и Н. С. Лесков) // На рубеже двух столетий: Сб. в честь 60-летия А. В. Лаврова. М., 2009. С. 266–281; и др. Другим прототипом Ельцовой принято считать графиню Е. Е. Ламберт, которой Тургенев был в то время также увлечен и характерные черты которой также угадываются в Ельцовой (см.: ПССиП(2). Соч. Т. 5. С. 417). О Е. Е. Ламберт

сближает не только «ясность невинной души» и склонность к мистицизму,³⁸ но и полное равнодушие к «выдуманным» стихам и романам. (Ср. в тексте повести: «...Вера Николаевна до сих пор не прочла ни одного романа, ни одного стихотворения — словом, ни одного, как она выражается, выдуманного сочинения!».)³⁹ Воспоминания Толстой об обстоятельствах создания Тургеневым «Фауста» хорошо известны. «Чаще всего, — писала она, — мы с ним спорили о стихах. Я с детства не любила и не читала стихов; мне казалось, и я говорила ему, что они все — выдуманные сочинения, еще хуже романов, которых я почти не читала и не любила.

Тургенев волновался и спорил со мною „даже до сердцов“. Особенно из-за Фета, которым он тогда восхищался и часто цитировал, добавляя: „Под таким стихом ведь Пушкин подписался бы. Понимаете ли, — Пушкин! Сам Пушкин!!“

Из-за прекрасного его чтения, под его влиянием развившись вкусом и умом, я во многом изменила свои взгляды, многое перечитала, даже пристрастилась. Но Фета продолжала не ценить и не понимала его прелести.

Раз наш долгий спор так настойчиво разгорячился, что перешел как-то в упреки, в личности. Тургенев сердился, декламировал, доказывал, повторял отдельные стихи, кричал, умолял. Я возражала, ни в чем не сдаваясь и подсмеиваясь. Вдруг я вижу, что Тургенев вскакивает, берет шляпу и, не прощаясь, уходит прямо с балкона не в дом, а в сад. Я очень испугалась, потому что к балкону не была приделана лестница, ступенек 6–8. Но огромный рост помог ему соскочить благополучно.

см.: *Гревс И. М.* Графиня Елизавета Егоровна Ламберт (Чистая дружба) / Публ. В. Л. Лукиной // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы. М.; СПб., 2009. Вып. 1. С. 387–451. Высказывалось также предположение, что с судьбой М. Н. Толстой соотносим один эпизод биографии Анны Сергеевны Одинцовой в «Отцах и детях» (ее встреча за границей с «молодым красивым шведом с рыцарским выражением лица» — *ПССиП(2)*. Соч. Т. 7. С. 84), тот эпизод, который отсутствовал в беловом автографе и журнальной публикации и в текст романа был включен позднее (см.: *Сахаров В. И.* Из комментария к «Отцам и детям» (Тургенев и М. Н. Толстая) // И. С. Тургенев: вчера, сегодня, завтра. Классическое наследие в изменяющейся России: Материалы междунар. науч. конф. Орел, 2008. Вып. 1. С. 169–171).

³⁸ Об этой «склонности» М. Н. Толстой упоминают все мемуаристы. Так, Кузминская отмечала: «Марья Николаевна была очень склонна к мистицизму, была суеверна, верила в явления, предчувствия и предсказания» (*Кузминская Т. А.* Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. С. 368).

³⁹ *ПССиП(2)*. Соч. Т. 5. С. 101.

Приказав запрягать коляску и догнать себя, он сердитой походкой зашагал по полю.

Мне стало жаль, а потом досадно. <...> Как часто бывает при раз-молвках, люди понемногу свыкаются с неожиданной обидой, подыски-вают ей основание, и случайное недружелюбие переходит во взаим-ность, закрепляется. Так мы, через 2–3 недели, перестали его ждать и уже избегали даже разговаривать о ссоре: она стала неприятностью, сердившей нас.

Вдруг неожиданно приезжает Тургенев, очень взволнованный, ожив-ленный, но без тени недовольства.

— Да почему вы так долго не показывались?

— А видите ли, — это была хитрость. Никогда так не пишется, как „в сердцах“, никогда так прилежно не работаешь, как озлобившись. Я почувствовал тогда это настроение и поскорее ушел, чтоб не сгладить его, не упустить. Мне давно надо было написать одну вещицу. Вот я и написал. Если хотите, я вам вечером прочитаю.

В тот же вечер он прочел нам эту повесть. Она называлась „Фауст“.⁴⁰ У старших и младших Толстых прототипичность Марии Николаевны по отношению к Вере Ельцовой в «Фаусте» не вызывала сомнений, и сам «литературный» сюжет приобрел черты семейной легенды. «Его героиня Ельцова напоминает Марью Николаевну даже в мелочах», — писал Сергей Львович Толстой. «Говорят даже, — вспоминал Илья Львович, — что он описал ее в своем „Фаусте“. Это была рыцарская дань, которую он принес ее чистоте и непосредственности».⁴¹

По поводу «Фауста», опубликованного в октябрьской книжке «Со-временника» за 1856 год, Тургенев писал Толстой 25 декабря: «Очень меня радует то, что Вам понравился „Фауст“, и то, что Вы говорите о двойном человеке во мне — весьма справедливо, — только Вы, может быть, не знаете причины этой двойственности. Я буду с Вами тоже откровенен. Видите ли, мне было горько стареться, не изведав полного счастья — и не свив себе покойного гнезда. Душа во мне была еще мо-лода и рвалась и тосковала; а ум, охлажденный опытом, изредка подда-ваясь ее порывам, вымещал на ней свою слабость горечью и иронией <...>. Когда Вы меня знали, я еще мечтал о счастье, не хотел расстаться с надеждой; теперь я окончательно махнул на всё это рукой. <...> „Фауст“

⁴⁰ *Т в восп совр.* Т. 1. С. 223–224.

⁴¹ *Толстой С. Л.* Марья Николаевна Толстая (тетя Маша). С. 288; *Толстой И. Л.* Мои воспоминания. С. 243. См. также: *Кузминская Т. А.* Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. С. 370.

был написан на переломе, на повороте жизни — вся душа вспыхнула последним огнем воспоминаний, надежд, молодости...».⁴²

В июне 1857 года, расставшись с мужем, Мария Николаевна переехала с детьми из Покровского в Пирогово и об этом в середине июля сообщила Толстому, записавшему в дневнике: «Маша разъехалась с В<алерьяном>. Эта новость задушила меня».⁴³ О разрыве с мужем она 25 июля написала и Тургеневу (письмо не сохранилось), он ответил ей из Куртавнеля в середине августа: «Прежде всего благодарю Вас за то, что Вы, в тогдашнем Вашем положении, вздумали — или нет — подумали написать мне. Вы недаром полагаетесь на мою дружбу; действительно — я останусь Вашим другом, пока буду жив». Тогда же, 14 (26) августа он писал Толстому: «...Вы знаете мое мнение о теперешнем положении Марии Николаевны — я уверен, что она отдохнет и успокоится. Скажите ей, что я часто думаю о ней и что, если бы желания могли осуществляться, она была бы совершенно счастлива».⁴⁴ Толстой 11 августа, находясь в Пирогово, записал в дневнике: «Маша рассказала про Тург<енева>. Я боюсь их обоих».⁴⁵

Осенью 1857 года, в ответ на рассказ Толстого о его жизни вместе с сестрой в Москве, Тургенев высказался в письме жестко и точно: «С Вашей сестрой жить очень легко — но Вы не умеете жить легко. Вы хотите во всем полноту и ясность — и хотите все это тотчас. Вы беспрестанно щупаете пульс своим отношениям с людьми и собственным ощущениям: все это мешает гладкому и легкому течению дня».⁴⁶

В 1858 году Тургенев не спешил в Спасское и приехал туда только в начале июня. Свидетельством неоправдавшихся надежд Марии Николаевны осталась запись в дневнике Толстого от 8 мая: «М<ашиньку> известие об отсутствии Т<ургенева> ударило. Вот те и шуточки. Поделом ему скверно».⁴⁷ Этим летом Тургенев провел в Пирогове три дня,

⁴² ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 170.

⁴³ Толстой. Т. 47. С. 148. В биографической литературе о М. Н. Толстой, как правило, указан июль 1857 г. как время ее разрыва с мужем (см.: Пузин Н. П. И. С. Тургенев и М. Н. Толстая. С. 56; и др.). Однако в письме Николая Толстого Льву от 15 июля читаем: «Маша оставила мужа, она не могла иначе, уж месяц она в Пирогове...» (Переписка Л. Н. Толстого с сестрой и братьями. С. 210). См. подробнее о разрыве в письмах Льву Толстому братьев и самой Марии Николаевны: Там же. С. 209–212.

⁴⁴ ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 254, 253.

⁴⁵ Толстой. Т. 47. С. 151.

⁴⁶ ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 274–275.

⁴⁷ Толстой. Т. 48. С. 15.

с 22 по 25 июня, и в последний день писал Полине Виардо: «Скажу вам в двух словах, что я провел три очень приятных дня у друзей: двух братьев и сестры, прекрасной и очень несчастной женщины. Она принуждена была разойтись со своим мужем, своего рода деревенским Генрихом VIII, преотвратительным. У нее трое детей, которые отлично развиваются, особенно с тех пор, как папаша нет с ними. Он, независимо от их поведения, обращался с ними весьма сурово, доставляя себе удовольствие воспитывать их на спартанский лад, сам ведя образ жизни совершенно противоположный». Рассказав о каждом из трех братьев Толстых, Тургенев продолжал: «Сестра довольно хорошая музыкантша; *мы играли* Бетховена, Моцарта и т. д.», — и, перейдя с французского на немецкий, уточнял: «Es ist die selbe Gräfin, die eine Neigung für mich gehabt hatte; Ich glaube, das alte Feuer glüht noch unter der Asche; was hilft's aber? <Это та самая графиня, у которой была ко мне склонность; думаю, что былой огонь теплится еще под пеплом; но к чему все это?>». ⁴⁸

Характер отношений между Тургеневым и Марией Николаевной, по словам С. Л. Толстого, «не нравился ее братьям». ⁴⁹ Лев Николаевич 4 сентября 1858 года записал в дневнике: «Ездил к Никол<иньке> и Тургеневу: 1-й мил очень дома, 2-й тяжел невыносимо. <...> Тургенев скверно поступает с М<ашиной>. Дрянью». ⁵⁰ Лето 1858 года, таким образом, стало последним летом той застигнувшей Марию Николаевну «бури», которую, в самом ее начале, наблюдал проницательный Боткин. Заехав в конце марта 1859 года в Ясную Поляну (по пути из Петербурга в Спасское), Тургенев писал Боткину о встрече с графиней Толстой: «...очень она переменялась на мои глаза — да сверх того — je n'ai rien à lui dire <мне нечего ей сказать — *франц.*>». ⁵¹

«Взгляните на отжившую женщину», — пишет Толстая в публикуемом письме Тургеневу, прибавляя, что «в разладе почти со всеми». Тревожной, трагичной предстает ситуация в ее семье на рубеже 1860–1870-х годов. Сергей Николаевич, например, осенью 1866 года пишет брату из Пирогова: «Что тебе сказать о Машеньке и о девочках? Ты все знаешь сам очень хорошо: девочки, с тех пор как приехали в Пирогово, *ни разу* не выходили на воздух, не смеют читать ничего, исключая вслух в определенные часы, ходят на цыпочках и говорят почти целый день шепотом, и хотя немислимо даже подумать о возможности намек-

⁴⁸ ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 396–397. Подлинник по-франц.

⁴⁹ Толстой С. Л. Марья Николаевна Толстая (тетя Маша). С. 289.

⁵⁰ Толстой. Т. 48. С. 16.

⁵¹ ПССиП(2). Письма. Т. 4. С. 30. Письмо от 29 марта (10 апреля).

нужно об изменении подобной жизни мне или кому бы то ни было, они очень веселы и, кажется, думают, что так быть должно и что мамашу очень жалко. Нехорошо их восставлять против матери, а язык чешется. Но должно быть, скоро они сами, по крайней мере надеюсь, выйдут из этой неволи, ибо они совершенно вроде каких-то заключенных. <...> Первым ее приветствием <...> было то, что она ушла на целый день в свою комнату, говоря, что я расстроил ей нервы на целую неделю тем, что сказал, что я слышал, что ей лучше, и что по лицу она не похожа на сурьезно больную. Она все это время не распечатывает писем, которые ей пишут, под предлогом, что это ее может беспокоить, и дети должны сперва читать эти письма и беспокоящие не показывать. <...> Но теперь она, кажется, точно сделалась больна, что не удивительно при подобной жизни и чем она, кажется, не недовольна, как, уже имея теперь действительное средство, мучить своих ближних. Ссориться с ней, мне кажется, положительно невозможно; рассуждать с ней тоже невозможно, как и надеяться убедить ее измениться в отношении к девочкам. А ради того, чтобы видеть девочек и не быть со срамом выгнаны от нее вон, можно с соболезнующим лицом слушать ее рассказы о нервах, выходить из ее комнаты, когда она говорит, что ты ее беспокоишь папиросой или стуком, и куда, т. е. в свою комнату, она только что сказала, чтобы ты и дети пришли и помешали тебе с ними говорить или читать, чтобы иметь удовольствие тебя прогнать».⁵² Весной 1868 года Толстая писала брату Льву из Покровского: «Если теперь мне привезут девочку,⁵³ как снег на голову, я ничего не в состоянии сообразить и всем объявлю, что она моя дочь, ибо всякое моральное на меня так действует, что я решительно теряюсь и умираю. Описывать всего нельзя, но в сию минуту от одной мысли и волнения об том, что я тебе пишу, буквально едва перо держу, и сердце бьется до тошноты, и сейчас должна лечь, пока приду в себя. <...> Я ночи не сплю и мучаюсь ужасно. Дети, бедные, в каторге живут, глядя на меня — не грех вам с Сережей хоть на день к нам заглянуть и утешить».⁵⁴ О том же очевидном для обоих братьев душевном неблагополучии сестры свидетельствуют письма Льва Толстого, написанные в декабре 1869 года. «Машенька, притворяясь больною и мучая детей, проехала в Москву», — сообщает он брату Сергею в письме от 4–10 декабря 1869 года. В письме ему же от 10–20 декабря Толстой пишет о страхе Вари, дочери Марии Николаевны, «расстроить мамашу —

⁵² Переписка Л. Н. Толстого с сестрой и братьями. С. 305–306.

⁵³ Речь идет о ее дочери от де Клена, Елене.

⁵⁴ Там же. С. 312–313.

сделается трясение и т. д.». И в письме брату от 10–14 января 1870 года Толстой делится мыслями о сестре: «Она все так же сидит, воображая себя больною и мучая своих детей».⁵⁵

О состоянии Марии Николаевны в конце 1860-х Елизавета Оболенская вспоминала: «Денежные дела матери были очень неважными, имения были все запущены, надо было выплачивать долги <...>. Мать постоянно хворала, хандрила, была раздражительна, иногда по целым дням не выходила из своей комнаты. В недобрые минуты она горько жаловалась на свою разбитую жизнь. <...> Дяди, любя нас, очень осуждали мать за нас, но мы очень любили ее, уважали и никогда не судили. Мы теперь были уже взрослыми и хорошо понимали ее страстную натуру. Она ничего не умела чувствовать вполнину и всему — горю ли, радости ли, гневу ли отдавалась без удержу, всей душой, сдерживаться она смолоду не привыкла. Тем более надо дивиться, как она сумела сломить себя в монастыре».⁵⁶ «Марья Николаевна нигде не могла ужитья, — вспоминал С. Л. Толстой. — Она жила то в Покровском, то в Ясной Поляне, то в Москве, то за границей. <...> Пустота одинокой жизни ее угнетала. Она стала еще более капризной и раздражительной. С дочерьми она не уживалась».⁵⁷

Невозможность признать оставленную в Швейцарии дочь, на что, как казалось Елизавете Оболенской, ее мать «не имела мужества», Мария Николаевна переживала мучительно. Отражение собственной безысходной драмы она позднее увидит в «Анне Карениной». Среди ее писем братьям есть одно, особенно тяжелое. По полноте самоотжествления с литературным персонажем оно близко письму, адресованному Тургеневу. «Милый друг Левочка, — пишет Мария Николаевна из Гейдельберга 16 (28) марта 1876 года. — <...> Я в таком отвратительном моральном состоянии, одиночество так *ужасно* на меня действует, с постоянной заботой, которая, как меч, лежит на мне и о которой я день и ночь думаю, что мне иногда страшно становится. Мысль о самоубийстве начала меня преследовать, да, положительно преследовать так неотступно, что это сделалось вроде болезни или помешательства. Не думай, чтоб что-нибудь необыкновенное случилось, а просто ничего не клеится, ничего не выходит *с ней*; только что думаю — устроила, опять все снова, все не то, все не ладно, а что нужно — я не знаю, положительно не знаю. Думала ехать в Россию и пожить зиму, сколько бы здо-

⁵⁵ Толстой. Т. 61. С. 221, 223, 225.

⁵⁶ Оболенская. Ч. 1. С. 234.

⁵⁷ Толстой С. Л. Марья Николаевна Толстая (тетя Маша). С. 292–293.

ровье позволило, а тут надо для *нее* опять вернуться, а куда — опять не знаю. Пробовала взять ее к себе — не могу, я тогда делаюсь уж совсем дика, от всех прячусь, за дочь выдавать ее не могу, за чужую — тоже, лгу, запинаюсь — чувствую, что без поддержки трудно быть бесстыдной <...> я до сих пор еще не видела факта, чтоб женщина нашего круга, если она не с медным лбом, взяла к себе незаконного ребенка и одна, без поддержки, имела храбрость всем говорить: „Вот, полюбуйте, это моя незаконная дочь“. Я не могу, и другого выхода, как смерть кого-нибудь из нас, я не вижу. <...> Боже, если бы знали все Анны Каренины, что их ожидает, как бы они бежали от минутных наслаждений, которые никогда и не бывают наслаждениями, потому что все то, что *незаконно*, никогда не может быть счастьем. Это только *кажется так*, и мы все чувствуем, что это только кажется, а все уверяем себя, что я много счастлива: любима и люблю — какое счастье!

Ответ на все трудные положения в жизни есть в Евангелии: если бы я его почаще читала, когда незаслуженно была несчастлива с мужем, то поняла бы, что это был крест, который Он мне послал: „Терпевший до конца — спасется“, а я хотела освободить себя, уйти от воли Его — вот и получила себе крест другой — еще почище». ⁵⁸

Неизвестно, состоялась ли петербургская встреча Тургенева с Толстой, о которой идет речь в публикуемом письме. Завершая его предысторию, стоит привести последнее, ближайшее ко времени его написания свидетельство, поясняющее слова о «бегстве» матери от дочерей. Мария Николаевна была против замужества дочери, спешила уехать за границу, и вот что пишет об этом Елизавета Оболенская: «18 января 1871 г. я обвенчалась. Мне было грустно, что мать была все-таки недовольна и расстроена, мне казалось, что я как будто совершила над ней насилие, но по совести мы не могли поступить иначе. В церковь она не поехала, но очень нежно простилась со мной и плакала, когда благословляла; я просила ее простить меня. Кроме заботы о моем здоровье, я знаю, что ее печалило расставанье со мной. <...> Мы спешили со свадьбой, чтобы не задержать отъезд матери за границу. <...> Мы проводили мать до Петербурга и пожили там с ней до ее отъезда». ⁵⁹

Сведений об ответном письме Тургенева к Марии Николаевне нет. Сохранилось 25 его писем к ней за 1854–1859 годы, 8 из которых адресованы ей и ее мужу. <...> Мы долго переписывались, — вспоминала Мария Николаевна, — и у меня было много его писем, очень интересных

⁵⁸ Переписка Л. Н. Толстого с сестрой и братьями. С. 352–353.

⁵⁹ Оболенская. Ч. 2. С. 283–284.

и, по-моему, великолепно написанных. Они пропали. Один бесцеремонный мой свойственник, посетив мое имение после того, как я переехала в монастырь, поднял стамеской верх письменного стола, в который я их запирала, унес вместе с двумя письмами Некрасова, которыми я очень дорожила, и, говорят, даже напечатал одно или несколько в каком-то журнале. Он, вероятно, приравнял мое монашество к смерти, утвердил себя в праве наследства и распорядился, как захотел... как я, наверное, никогда не захотела бы распорядиться».⁶⁰

По словам И. Л. Толстого, «тетя Маша до конца своей жизни сохранила о Тургеневе самое поэтическое воспоминание, ничем не запятнанное, светлое и яркое».⁶¹ Н. П. Пузин записал со слов Елены Денисенко, дочери Марии Николаевны от де Клена: «Моя мать, живя в монастыре, любила рассказывать и вспоминать былое... <...> „Знаешь, Леночка, — обратилась ко мне раз мать, указав на фотографию Тургенева, — если бы он не был в жизни однолюбом и так горячо не любил Полину Виардо, мы могли бы быть счастливы с ним, я и не была бы монахиней, но мы расстались с ним по воле бога, но он был чудесный человек, и я постоянно о нем вспоминаю“».⁶²

Публикуемое письмо — единственное сохранившееся письмо М. Н. Толстой к Тургеневу.

Публикуется по подлиннику — *ИРЛИ*. № 5834. Л. 1–2.

М. Н. Толстая — Тургеневу

Вторая половина февраля — начало марта 1871 года. Петербург

Я случайно узнала, что Вы здесь,¹ и вздумала Вам написать. —

Не захотите ли Вы меня навестить? — Я еду за границу, прямо на чуму² — и остановилась здесь полечиться. Очень желала бы Вас видеть. Много бы могла Вам сообщить интересного, и Вы — как психолог могли бы даже извлечь пользу из моих рассказов — и могли бы даже оказать мне большую услугу, и всей читающей публике, и бросающейся с жадностью на каждое Ваше *последнее произведение*, удовольствие.

⁶⁰ *Т в восп совр.* Т. 1. С. 221.

⁶¹ *Толстой И. Л.* Мои воспоминания. С. 243.

⁶² *Пузин Н. П.* И. С. Тургенев и М. Н. Толстая. С. 58.

И суграшно уркам депо
Въ дѣлѣ, и вѣдѣннѣ. Каско
каинса еуб. —
Не уроченнѣ еуб. Каско
каинса еуб. — Я виду уроченнѣ
еуб. еуб. каинса еуб. —
каинса еуб. еуб. еуб. еуб.
Оуб. еуб. еуб. еуб. еуб. еуб.
еуб. еуб. еуб. еуб. еуб. еуб.
еуб. еуб. еуб. еуб. еуб. еуб.
еуб. еуб. еуб. еуб. еуб. еуб.
еуб. еуб. еуб. еуб. еуб. еуб.

Письмо М. Н. Толстой к Тургеневу. Первая страница (ИРЛИ)

Буду ждать Вашего ответа. Взгляните на отжившую женщину — и не придет ли Вам в голову написать «Матери и дети»!³ —

Жму Вам дружески руку

Г<рафиня> М. Толстая.

Знаменская гостиница.⁴

№ 17.

P. S.

Известно, что без P. S. письмо женщины не обходится; — итак, вот что засело у меня на душе; вообразите, — я в разладе с автором «Войны и мира», и так как это немалый авторитет у нас в семействе, то и в разладе почти со всеми; — когда Вы писали «Накануне», бегали дочери от родителей,⁵ а теперь — наоборот. В самом деле, не напишете ли «*Королеву Лиру*»?!⁶

¹ О пребывании Тургенева в Петербурге в начале 1871 г. см. во вступит. заметке.

² Имеется в виду франко-прусская война 1870–1871 гг. — военный конфликт между империей Наполеона III и добивавшейся европейской гегемонии Пруссией. Объявленная 19 июля 1870 г. война закончилась поражением и крахом Французской империи, мирный договор был подписан 10 мая 1871 г. Уехавший в ноябре 1870 г. из Франции вместе с семьей Виардо в Лондон и неизменно выступавший на стороне «республики, цивилизации и свободы», Тургенев на события войны откликнулся в специально подготовленных им для русской публики «Письмах о франко-прусской войне» (*ПССУП(2)*). Соч. Т. 10. С. 309–325). См.: Рабинович М. Б. И. С. Тургенев и франко-прусская война 1870–1871 гг. // И. С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества. Л., 1982. С. 99–108.

³ Намек на роман «Отцы и дети», впервые опубликованный в 1862 г. в «Русском вестнике» (№ 2).

⁴ «Знаменская» — большая гостиница на Знаменской пл. напротив Николаевского вокзала; построена в 1845–1847 гг. по проекту арх. А. П. Гемелиана, открыта в декабре 1851 г. Во второй половине XIX в. неоднократно перестраивалась, была переименована в «Северную», «Большую Северную»; ныне — «Октябрьская» (Невский пр., 118).

⁵ Над романом «Накануне» Тургенев работал в 1858–1859 гг. Роман опубликован: *РВ*. 1860. Т. 35. № 1–2. Дочь, убежавшая от родителей, — главная героиня романа Елена Стахова.

⁶ О семейной ситуации Марии Николаевны и о ее знакомстве с повестью Тургенева «Степной король Лир» см. во вступит. заметке. «Король Лир» (1608) во второй половине XIX в. был одной из наиболее популярных в России трагедий Шекспира. Считавшийся в кругу литераторов одним из лучших знатоков Шекспира, Тур-

генов многократно обращался к тексту и сюжету трагедии. В юности он перевел ее с подлинника (текст перевода был уничтожен — см. его письмо к А. В. Никитенко от 26 марта (7 апреля) 1837 г.). Именно Тургенева переводчик «Короля Лира» А. В. Дружинин просил оценить его перевод, опубликованный в 1856 г. в «Современнике» (№ 12), оценку перевода он получил в одобрительном ответном письме Тургенева от 13 (25) января 1857 г. См. подробнее примеч. Л. М. Лотман (*ИССиП(2)*, Соч. Т. 7. С. 476–491).